

Бах и Коломбина

Театр Швейцарии

Известия. — 2002. — 21 сент. — с 8

Завершаются Дни Швейцарии в Москве

В насыщенную и разнообразную программу недели входили форумы и дискуссии, семинары и симпозиумы, выставки и концерты, спектакли и даже спортивные игры. Некоторые события продлятся и после официального закрытия дней. Так, в Музее архитектуры почти месяц будет работать архитектурная выставка, а в постоянный репертуар московских театров войдут премьеры, поставленные с участием швейцарцев.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Швейцарские постановочные группы выбрали театры «Школа современной пьесы» и драматический имени К.С. Станиславского. А на гастроли в Москву привозили только «Гольдберг-вариации» Цюрих-балета. Элегантное сочинение руководителя труппы, известного в Европе балетмейстера Хайнца Шперли, исполнялось на сцене Большого театра всего один раз.

Рояль и геометрия

Кто не успел — тот опоздал: теперь хореографию Шперли у нас можно посмотреть только по видео. Русские танцоры, судя по всему, еще не скоро освоят его интеллектуальные неоклассические композиции. И не потому, что они трудны и непривычны — нашим «по ногам» любые пластические головоломки. Суть стиля Шперли — в особом «произношении» танцевальных фраз, не допускающем «акцента». «Гольдберг-вариации», поставленные на музыку Баха, — все равно что швейцарские часы. Все отлажено до долей микрона, ничтожная помарка грозит разрушить всю структуру. Движения подаются как дорогое изделие — со сдержанным и благородным достоинством и без малейшего намека на кичливость, от кото-

рой нашим виртуозам порой не просто избавиться.

«Гольдберг-вариации» — это одиокий рояль, заполняющий пространство громадного театра музыкой сфер (на московских гастролях Цюрих-балета Баха играл одесский пианист Алексей Ботвинов), минимум декораций (меняются только цвета задников) и бесконечная игра геометрии. Танец начинается нехотя, словно стравливая утреннюю дремоту, — с осторожных шагов, простой разминки, ускоряющегося бета. Кордебалет выстраивается в линию, похожую на черно-белую фортепианную клавиатуру, интереди — тридцать кристально точечных вариаций. Соло и дуэты, трио и развернутые ансамбли, хореографические абстракции и тонкие намеки на людские взаимоотношения.

Хайнц Шперли прислушивается к Баху и ничего не изобретает. За «простыми гаммами» следуют тысячи комбинаций, в классический балет неназойливо вторгается гимнастика и акробатика. Все легко и невесомо — будь то росчерки пуантов или кульбиты, пируэты или переборы рук, сплетения линий или синхронные полеты... Финал возвращает балет к началу, только сцена раскалывается на свет и тень. Танцоры расходятся — кто в день, кто в ночь. «Гольдберг-вариации» завершает тихий урок философии.

ИТАР-ТАСС

Сдержанность и благородное достоинство характерны для «Гольдберг-вариаций»

Дорогуша Клерхен

Совместная российско-швейцарская театральная продукция, в отличие от стильного гастрольного образца, не обо-

шлась без неряшества и переко-сов. «Винт старой дамы» Фридриха Дюрренматта поставил молодой московский режиссер Сергей Алдонин. Силы драматического театра имени Стани-

славского укрепили швейцарские художники — сценограф Максим Бови и световик Кристоф Керли (у себя на родине он работает в компании Мориса Бежара).

Свет играет в спектакле прикладную роль — ярко горит в лихорадочно возбужденных эпизодах, угасает в минуты сентиментальных раздумий. Зато декорация-трансформер — главное достоинство постановки. В центре сцены поворачивается куб, превращающийся то в паровоз, то в дом, то в палубу корабля, то в трибуну, то в фантастический замок с подъемными мостами и лесенками, то в склон горы. И следить за этими трансформациями гораздо интереснее, чем за поступками вздорной Клары Цахапассьян. Антонина Кузнецова играет не могущественную миллионершу, заправляющую судьбами людей, а всего лишь аккуратную мешаночку, «Дорогушу Клерхен», как написали на приветственном транспаранте ее земляки.

Вирочем, пестрый и мелочный балаган, затеянный режиссером Алдономим, другого идола не заслужил. По сцене движутся какие-то дергунчики вместо людей. Не в тон и не в лад окружающей пошлятины существует только один персонаж — Альфред Илл Владимира Коренева. Печальная жертва обезумевшей куколки. Лунный Пьеро, по недоразумению очутившийся рядом с селеной и вульгарной Коломбиной. Гордый изгой, пытающийся устоять в перекошенном мире.

На днях в «Школе современной пьесы» играют премьеру «События» Владимира Набокова в постановке швейцарского режиссера Франсуа Роше. Как знать, быть может, именно этот спектакль станет главным российско-швейцарским театральным событием.